

А. Г. Москалёва, Е. А. Воробьёва

Семантическая характеристика ключевых образов в поэзии Н. Рубцова

В статье рассматриваются образы, центром которых является слово *ветер* как ключевое в художественном идиолекте Н. Рубцова.

Ключевые слова: ключевой образ, ключевое слово, поэтическая система, идиолект, контекст, семантика, словоформа, коннотация, символ, понятие, образный комплекс.

A. G. Moskaliova, E. A. Vorobiova

The Semantic Characteristic of Key Images in N. Rubtsov's Poetry

In the article are regarded the images the center of which is the word *a wind* as a keyword in N. Rubtsov's art idiolect.

Keywords: a key image, a keyword, a poetic system, an idiolect, context, semantics, a word form, connotation, a symbol, concept, a figurative complex.

«Особенно люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удали», – писал Н. Рубцов в Предисловии к рукописи сборника стихов «Волны и скалы». Свое отношение к этим темам и мировосприятие лирического героя поэт раскрывает через многомерные образы *ветра* и *дороги*, которые в результате макро- и микросемантических сдвигов в значении становятся символами всей поэтической системы Н. Рубцова.

Ветер обретает свой «голос» уже в ранних стихах поэта: определяется круг акустических характеристик образа, который бесконечно варьируется в последующем творчестве, приобретая контекстуальное значение 'мрачный, безрадостный'.

Ветер играет ведущую роль в эстетической реализации темы осени, одной из центральных в поэтической системе Рубцова. С целью обновления традиционного для русской поэзии образа «осеннего ветра» поэт использует паратаксическое соединение элементов как синтаксическое средство:

Был на улице говор не слышен,
Было слышно, как воют над крышей
Ветер, ливень, труба, провода.

(Осенняя луна)

Здесь посредством соположения к общему семантическому знаменателю («выть») сводятся слова, принадлежащие к разным семантическим полям, – атмосферные явления (ветер, ливень) и

материальные предметы (труба, провода). Ветер как наиболее значимое понятие идет на первом месте (принцип нисходящей градации).

И никому не известно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

(Сентябрь)

Здесь слова *ветер* и *грусть*, относящиеся к разным семантическим сферам, благодаря их соположению становятся контекстуальными синонимами. Если расчленить эту сдвоенную генитивную конструкцию, то «ветер октября» является свободным словосочетанием, лишенным признаков метафоричности. Однако соседство слова *грусть* способствует появлению у ветра новой семы.

Вот так же было холодно и сыро,
Сквозил в проулках *ветер* и рассвет,
Когда она задумчиво спросила:
– Наверное, гордишься, что поэт?

(Оттепель)

Сопоставление разнородных в лексическом плане слов *ветер* и *рассвет* строится с использованием многозначности глагола *сквозить*: 1) «дуть» и 2) «пропускать свет», «виднеться» [2. Т. 4, с. 106]. Ветер в данном случае вследствие наложения этих двух семантических планов приобретает дополнительный, «световой» оттенок значения.

Тема ненастья, непогоды неизменно связывается и в литературной, и в общечеловеческой культурно-психологической традиции с мотивами грусти, печали, что характерно для поэтической картины мира, создаваемой Рубцовым.

Определенная эмоциональная тональность создается за счет введения в текст и активизации слов соответствующей тематической группы (грустный, унылый, тоска, печальный, смятение). Слово *ветер* здесь употребляется в прямом значении, однако благодаря семантической одноплановости словесного окружения приобретает дополнительное значение 'грустный, печальный'.

Грустные мысли наводит порывистый *ветер*,
Грустно стоять одному у размытой дороги,
Кто-то в телеге по ельнику едет и едет...
Позднее время – спешат запоздалые дроги.
(У размытой дороги...)

Когда в окно осенний *ветер* свищет
И вносит в жизнь смятенье и тоску, –
Не усидеть мне в собственном жилище,
Где в час такой меня никто не ищет, –
Я уплыву за Вологду-реку!
(Вечерние стихи)

В «Вечерних стихах» образ «тоскливого» ветра является стержневым, определяющим образную структуру текста.

Вдоль по мостикам несется листьев ворох –
Видать в окно, – и слышен *ветра* стон,
И слышен волн печальный шум и шорох,
И, как живые, в наших разговорах
Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон.

Противодействие «тоске» и «смятению», которые вносит природная стихия, лирический герой ищет в кругу друзей-единомышленников. Однако благодаря соседству «тоскливого, стонущего» ветра традиционная антитеза «холод ветра – тепло дружеского общения» отходит на второй план.

В ряде случаев отрицательная характеристика образа ветра доводится поэтом до предела. Слово *ветер* и производное от него прилагательное *ветренный*, окруженные словами с ярко отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской, приобретает сему 'злое, враждебное':

Там поле, небо и стога,
Хочу туда, – о, километры!
Меня ведь свалят с ног *ветра*,
сведут с ума ночные *ветры*!
(Памяти матери)

Был целый мир зловещ и *ветрен*,
Когда один в осенней мгле
В свое жилище Дмитрий Кедрин
Спешил, вздыхая о тепле.
(Последняя ночь...)

Сложное мировосприятие поэта в зрелый период творчества предопределило и контрастное построение некоторых его поэтических образов. Семантический ореол слова *ветер*, ставший уже традиционным для поэтической системы Рубцова, переосмысливается, усложняется:

Наслаждаясь *ветром* резким,
Допоздна по вечерам
Я брожу, брожу по сельским
Белым в сумраке холмам.
(Наслаждаясь ветром резким...)

Эпитет *резкий* указывает на принадлежность слова *ветер* к семантическому полю 'мрачное, неприятное', но благодаря глаголу *наслаждаться* происходит смещение в значении слова, оно приобретает сему 'радостное, доставляющее удовольствие'.

В поэтическом мире Рубцова образ ветра связан с темой судьбы, жизненного пути, а также с темой дороги, странствий по родному краю:

Как будто *ветер* гнал меня по ней,
По всей земле – по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.
(Привет, Россия...)

Ветер обретает здесь новое, индивидуально-символическое звучание.

Свое отношение к образу *ветра* поэт выразил в стихотворении «По дороге из дома»:

Люблю *ветер*. Больше всего на свете.
Как воет *ветер*! Как стонет *ветер*!
Как может *ветер* выть и стонать!
Как может *ветер* за себя постоять!

Развитие образа ветра в этом стихотворении предопределяется его композиционной структурой. Многократное повторение глаголов *выть* и *стонать* не только служит эмоциональным рефреном, но подготавливает семантический сдвиг в значении слова *ветер*.

Уже в первой строфе неожиданное олицетворение «может ветер за себя постоять» вводит значение 'стойкость, отвага'. Во второй строфе семантический диапазон слова ветер еще расширяется: появляется сема 'мудрость, знание, недоступное человеку':

...Что сам не можешь, то может *ветер*
Сказать о жизни на целом свете!

В третьей строфе ветер уподобляется лирическому герою-скитальцу. И, наконец, в последней строфе поэт переходит от сопоставления ключевых образов к их противопоставлению.

Душа ведь может, как ты, стонать.
Но так ли может за себя постоять?
Безжизнен, скучен и ровен путь,
Но стонет *ветер*! Не отдохнуть...

Кроме того, в слове *путь* под воздействием контекстуальных синонимов *безжизненный*, *скучный*, *ровный* появляется ярко отрицательная коннотация, при этом прямое значение ('дорога') и перенос ('жизнь') реализуются одновременно. Отсюда – совмещение относительного и абсолютного временных признаков в семантическом объеме слова *ветер*.

Ветер воплощает в себе и свидетельства исторических событий древней Руси, которые он переносит в сегодняшний день. В результате чего предстают «ведения» на холме – это ведения исторически реальные: поэт «увидит наяву», как «тупой башмак скуластого Батыя» затмит свет. Но это всего лишь на миг. Или же в строках:

Какая жизнь отливала,
Отгоревала, отошла!
И все ж я слышу с перевала,
Как *веет* здесь, чем Русь жила.

(Воспоминания)

Ветер принимает словоформу *веет* и семантика наполняется горькими воспоминаниями поэта о былом России. Душа Рубцова хранит красоту былых времен. Вот он пишет в «Осенних этюдах»:

... А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь –
И вся она как огненная буря,
Когда по *ветру* вытянутся ветви...

Если береза здесь сравнивается с Русью, то *ветер* несет в себе то зло, те преграды, которые вставали на пути России, и она принимала образ огненный и полыхающий; будто татарское иго или междоусобные войны.

Стихия ветра, стихия времени, чувство родной земли – все сливается в одно. В данном случае *ветер* выступает как историческая память народа, заставляя поэта пройти по знаменитым местам.

В стихотворениях о былом России семантика слова *ветер* воплощает в себе то самое главное и святое, которое необходимо нам сейчас, – память.

Таким образом, мы рассмотрели сложный образный комплекс, центром которого является слово *ветер* как ключевое в художественном идиолекте Н. Рубцова.

Библиографический список

1. Рубцов, Н. М. Избранное [Текст] / Н. М. Рубцов. – Смоленск : Русич, 2003. – 432 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981 г.